

ОСТРОВНЫЕ СВОЙСТВА СУБЪЕКТОВ ПРОСТОЙ И ЗАВИСИМОЙ КЛАУЗЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Д. Д. Белова

МГУ имени М.В. Ломоносова / Институт языкознания РАН

Настоящая работа посвящена экспериментальному исследованию островных свойств субъектных именных групп в русском языке в зависимости от структурного типа глагола и порядка слов. Мы сравнили доступность элементов внутри ИГ для *wh*-извлечения в зависимых клаузах с результатами нашего предыдущего исследования для простых клауз и обнаружили различия, которые могут объясняться различными механизмами, приводящими к расщеплению составляющих. В простых клаузах, по нашей гипотезе, наблюдается собственно извлечение, которое регулируется информационно-дискурсивными принципами, а в зависимых — частичное озвучивание. В обоих экспериментах не подтвердилось преимущество неаккузативного субъекта.

Ключевые слова: остров субъекта, частичное озвучивание, неаккузативность, порядок слов.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

ISLAND PROPERTIES OF SUBJECTS IN SIMPLE AND DEPENDENT CLAUSES IN RUSSIAN*

Daria Belova

Lomonosov Moscow State University / Institute of Linguistics RAS

This paper deals with island properties of subject noun phrases in Russian depending on verbal argument structure and word order. I compared the availability of elements within DPs to A'-subextraction in dependent clauses with the results of my research of simple clauses and found some crucial differences. I believe that these differences can be explained by different mechanisms leading to the splitting of constituents. In simple clauses it is actual subextraction which is regulated by information-structural principles, and in dependent clauses it is discontinuous spellout. In both experiments the preference for unaccusative subjects was not confirmed.

Keywords: subject island, discontinuous spellout, unaccusativity, word order.

* This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence".

1. Введение

Островные ограничения субъектных именных групп известны со времен классической работы [Ross 1967]: во многих языках мира извлечение (*subextraction*) элементов из именных групп (ИГ) в позиции субъекта (1b) может оцениваться носителями как значительно менее приемлемое, чем из ИГ в позиции объекта (1a):

(1) a. *Who_i did you see a picture of _i?*

‘Кого ты увидел изображение?’

b. **Who_i does a picture of _i hang on the wall?*

Ожид.: ‘Кого изображение висит на стене?’ [Stepanov 2007: 1]

Субъектный остров является слабым: ИГ-подлежащие проявляют различную степень прозрачности как в различных языках, так и внутри одного языка под влиянием различных факторов. Такие факторы для русского языка впервые были экспериментально исследованы в [Polinsky et al. 2013]. Авторы проверили влияние структурного типа глагола (неаккузативный, неэргативный и переходный) и положения именной группы, из которой происходит извлечение, относительно глагола (предглагольное и заглагольное) на допустимость *wh*-извлечения элементов и пришли к выводу, что субъект неаккузативного глагола является более прозрачным, чем субъекты других типов глаголов, а предглагольный объект является менее прозрачным, чем заглагольный.

Эти же факторы экспериментально исследуются и в других языках, причем как правило отмечается т.н. **преимущество неаккузативного субъекта** (*unaccusative subject advantage*), то есть его бóльшая прозрачность относительно других типов подлежащих. В исследовании [Surányi, Turi 2018] на материале венгерского языка рассматриваются островные свойства субъектов неаккузатива и переходного глагола и объекта переходного глагола для двух позиций; эксперимент показал, что между субъектом неаккузатива и объектом нет значимой разницы, субъект переходного оценивается значимо ниже, а параметр топиальности является незначимым. Аналогичные результаты получились в работе [Jurka 2013], где исследовалось т.н. расщепление *was-für* (*was-für split*) в немецком языке, при котором вопросительное слово *was* ‘что’ извлекается из именной группы. Извлечение из *in situ* переходных субъектов в немецком оценивается ниже,

чем из неаккузативных, которые, в свою очередь, находятся на одном уровне с *in situ* объектами. В чешском языке, согласно [Sturgeon et al. 2010], также наблюдается преимущество неаккузативного субъекта по сравнению с неэргативными и транзитивными; кроме того, именные группы в эксперименте авторов оказались значительно менее прозрачны в предглагольной (топикальной) позиции, чем в заглагольной. Но есть и исследования, в которых преимущество неаккузативного субъекта не поддерживается — см. [Stepanov et al. 2018] на материале словенского языка. В обозначенной выше работе [Polinsky et al. 2013] описываются также эксперименты для трех типов субъектных групп в английском языке (но в силу ограничений на порядок слов — без фактора позиции ИГ относительно глагола). Неаккузативный субъект оценивается выше, но различие статистически маргинальное, а оценки всех тестовых стимулов в целом крайне низкие.

Извлечение элементов из именных групп в различных положениях относительно глагола, что коррелирует, с одной стороны, с топикальным или фокусным статусом именной группы, а с другой — с исходной или деривированной позициями, — также изучалось в отдельности. Для некоторых языков предглагольная позиция является непрозрачной (например, для нидерландского [Broekhuis 2006], итальянского [Bianchi, Chesì 2014] и чешского/словацкого [Starke 2001]). Для ряда языков извлечение допустимо для обеих позиций (например, для испанского [Jiménez-Fernández 2012] и новогреческого [Spyropoulos, Stamatogiannis 2011]); в работе [Bašić 2004] указывается, что в сербском языке извлечение не только возможно из обеих позиций, но и даже лучше происходит из предглагольной (отметим, однако, что это не экспериментальное исследование).

Вместе с тем субъектно-объектная асимметрия извлечения не ограничивается зависимыми клаузами, см. (1). В [Белова 2021a] был проведен эксперимент с аналогичными факторами на материале простых клауз. Обнаружилось, что иерархия [Polinsky et al. 2013] не воспроизводится: субъект неаккузатива не проявил бóльшую прозрачность относительно неэргативных и переходных глаголов; кроме того, объект в предглагольной позиции оказался более прозрачен, чем в заглагольной.

В связи с этим расхождением мы решили провести еще одну серию экспериментов, которая и представлена в настоящей статье. В этой серии мы повторим эксперимент для зависимых клауз, но с собственным материалом, который использовался в эксперименте на простых клаузах, чтобы иметь возможность сопоставить результаты.

Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мы рассмотрим существующие теоретические подходы, а также два экспериментальных исследования субъектного острова в русском языке. Раздел 3 посвящен двум экспериментам, составляющим наше настоящее исследование. В разделе 4 мы наметим пути анализа полученных результатов. В разделе 5 подведены некоторые итоги.

2. Обзор литературы

2.1. Теоретические подходы к описанию острова субъекта

Существует несколько теоретических подходов, объясняющих феномен субъектно-объектной асимметрии извлечения. Нам необходимо отметить три основных подхода. Первый, под названием **ограничения на область извлечения** (*condition on extraction domain, CED*), был впервые сформулирован в работе [Huang 1982] и основан на синтаксической позиции группы, из которой происходит извлечение. Согласно строгой формулировке CED, только позиция комплемента, но не спецификатора или адъюнкта, является прозрачной для извлечения.

Другой класс подходов опирается на **эффект заморозки** (*freezing*). В частности, **общий принцип заморозки** (*generalized freezing principle*, [Wexler, Culicover 1977]) гласит, что составляющая, которая подверглась передвижению из места своего порождения, становится непрозрачной для извлечения.

Наконец, третий подход является не синтаксическим, а дискурсивно-прагматическим и носит название **непрозрачности топики** (*topic opacity*): только элементы, находящиеся внутри фокусных составляющих, могут извлекаться (см., например, [Erteschik-Shir 1973; Winkler et al. 2016]). Канонические предглагольные подлежащие во многих языках, в том числе в русском (см. [Ковтунова 1976; Bailyn 2011]), как раз являются топиками, что и объясняет, согласно этому подходу, их островные свойства.

Все перечисленные выше подходы опираются на допущение, что конфигурации с расщепленными ИГ формируются путем передвижения: элемент внутри ИГ извлекается и поднимается выше по дереву. Однако существует альтернативный взгляд на механизмы расщепления составляющих — **частичное озвучивание**, или *discontinuous spellout* (DS, [Nunes 1999; Fanselow, Ćavar 2002]). Этот подход в рамках теории копирования и удаления (*copy and deletion theory of movement*, [Chomsky 1993]) исходит из того, что при

передвижении составляющей в месте ее порождения остается копия. В нормальном случае эта копия удаляется, а на озвучивание поступает только самая верхняя. При частичном же озвучивании передвигающаяся составляющая озвучивается частично в верхней копии, частично — в нижней. В случае именных групп без дополнений мы не можем на основании только внешнего вида определить, имело ли место извлечение или частичное озвучивание, но существуют и однозначные примеры — в (2) элементы «против советской» не формируют составляющую, поэтому они не могли попасть на левую периферию клаузы путем извлечения. Для подобных примеров предлагается анализ типа (3)¹:

(2) *Против советской он выступал власти.* [Pereltsvaig 2008: 9]

(3) [_{PP} *Против* [_{DP} *советской власти*]] он выступал [_{PP} *против* [_{DP} *советской власти*]].

2.2. Исследование [Polinsky et al. 2013] для зависимых *чтобы*-клауз

Как можно заметить, различные теоретические подходы делают различные предсказания, иногда противоречащие друг другу. В связи с этим легко представить себе лингвистический эксперимент на материале конкретного языка, который бы проверял релевантные для всех трех подходов факторы. В частности, CED предсказывает бóльшую прозрачность субъектов неаккузативных глаголов по сравнению с неэргативными и переходными в тех случаях, когда они не передвигаются в *spec,TP*, а остаются *in situ*; а принципы заморозки и непрозрачности топика «чувствительны» к порядку слов. Именно такой эксперимент был проведен для русского языка [Polinsky et al. 2013].

Эта работа является первым экспериментальным исследованием, во-первых, субъектных островов в русском языке, а во-вторых, различия в островных свойствах субъектов неаккузативных, неэргативных и переходных глаголов. Как уже было отмечено выше, на материале *чтобы*-клауз авторы рассматривают два фактора: структурный тип глагола (неаккузативный, неэргативный и переходный) и положение ИГ, из которой проис-

¹ В [Sekerina 1997] приводится иной анализ предложных групп, расщепленных при скрэмблинге, основывающийся на двойном передвижении (*double mouvement*), однако мы не будем рассматривать его в данной статье и направим читателя к работе [Pereltsvaig 2008], где обсуждаются преимущества подхода с частичным озвучиванием.

ходит извлечение, относительно глагола (предглагольное XV и заглагольное VX). В качестве типа A'-передвижения авторы выбрали *wh*-извлечение левой ветви с вопросительным словом *какой*. Результаты оказались следующими: (i) стимулы с переходными глаголами оцениваются ниже, чем с непереходными; (ii) для всех трех типов субъектов оценки для порядков XV и VX примерно одинаковые, для объекта XV — значимо ниже; (iii) по степени прозрачности субъекты выстраиваются в иерархию (4) (знак '>' здесь следует читать как «более прозрачен, чем»).

(4) субъект неаккузатива > субъект неэргатива > субъект переходного глагола

2.3. Исследование [Белова 2021a] для простых клауз

Длина передвижения, то есть извлечение элемента из ИГ в пределах одной клаузы или с пересечением границы клаузы, также является параметром межъязыкового варьирования. В работе [Белова 2021a] представлено первое экспериментальное исследование данных русского языка в этом свете, служащее цели проверить, во-первых, проявляют ли вообще островные свойства субъекты глаголов с разной аргументной структурой в простых клаузах, а во-вторых, актуальна ли для простых клауз иерархия, полученная в [Polinsky et al. 2013].

Исследование состояло из двух экспериментов. Так как одним из изучаемых факторов является положение субъектной или объектной ИГ относительно глагола, авторам необходимо убедиться, что порядки слов, отличные от немаркированного SOV, не снижают оценку стимулов сами по себе. Этому был посвящен первый эксперимент: он показал, что порядок SV(O) действительно оценивается значимо выше, чем любые другие.

Второй эксперимент был проведен на том же материале, что и первый, но с *wh*-извлечением левой ветви с вопросительным словом *чей* из субъектных и объектных ИГ. В результате и фактор типа ИГ (субъект неаккузативного, неэргативного и переходного глагола и объект переходного глагола), и фактор положения относительно глагола, и взаимодействие этих факторов оказались статистически значимыми; извлечение из предглагольной позиции для всех четырех типов ИГ оценивается выше, чем из заглагольной. Эти результаты не предсказываются ни одним из основных теоретических подходов: во-первых, не наблюдается преимущества неаккузативного субъекта ни в предглагольном, ни в заглагольном положении;

во-вторых, непонятно, почему объектные ИГ в производной позиции более прозрачны, чем *in situ*. Таким образом, оказалось, что субъектные ИГ в простой клаузе ведут себя иначе, чем в зависимой.

3. Экспериментальное исследование

Настоящее исследование должно ответить на следующий основной вопрос: воспроизведется ли одна из двух иерархий прозрачности субъектов ([Polinsky et al. 2013] для зависимых клауз или [Белова 2021a] для простых) на нашем материале с вопросительным словом *чей* и если да, то какая. Для этого мы провели два эксперимента: первый (пилотный) посвящен изучению приемлемости различных порядков слов в зависимых клаузах с союзом *чтобы*; второй (основной) — приемлемости расщепления субъектных и объектных именных групп между зависимой и матричной клаузами.

3.1. Пилотный эксперимент: приемлемость различных порядков слов в зависимой *чтобы*-клаузе

Предварительный эксперимент с утвердительными предложениями необходим по нескольким причинам. Во-первых, мы не можем быть уверены, что без контекста, который бы задавал фокус на субъекте, порядок (O)VS сам по себе не вызовет снижения оценок. Во-вторых, в случае зависимых клауз мы потенциально можем ожидать проявления более жестких ограничений по сравнению с простыми в связи с т.н. эффектом главной клаузы. Например, в работе [Лютикова 2019] описаны ограничения, действующие в относительных предложениях русского языка: местоимение *который* тяготеет к расположению в тематической составляющей, вследствие чего возникают дополнительные ограничения на порядок слов в относительной клаузе, отсутствующие в главной клаузе. По мнению автора, это происходит потому, что тема, содержащая это местоимение, стремится находиться левее ремы. Насколько нам известно, экспериментальных исследований порядка слов в актантных зависимых клаузах со *чтобы* ранее не проводилось.

3.1.1. Дизайн и методика проведения пилотного эксперимента

Факторный дизайн эксперимента содержал две зависимые переменные: структурный тип глагола (три уровня: неаккузативный, неэргативный и переходный) и порядок слов (шесть уровней: SV / VS для непереходных

стимулов, SVO / OVS / VSO / VOS для переходных). 24 блока лексикализаций по правилу латинского квадрата распределялись на восемь экспериментальных листов. Пример экспериментального блока приведен в (5). Также на экспериментальном листе размещались 24 филлерных предложения. 12 грамматичных филлеров представляли из себя сложные предложения с целевой клаузой с союзом *чтобы*. 12 неграмматичных филлеров содержали ошибки в наклонении зависимого предиката. Примеры филлерных предложений приведены в (6). Стимулы предъявлялись в порядке «грамматичный филлер — тестовый стимул — неграмматичный филлер», после каждого грамматичного филлера респонденту задавался вопрос на внимательность. Суждения о приемлемости стимулов извлекались при помощи шкалы Ликерта 1–7.

- (5) а. *Владик хотел, чтобы Юлины ухажёры промокли.*
 б. *Владик хотел, чтобы Юлины ухажёры сбежали.*
 в. *Владик хотел, чтобы Юлины ухажёры спели песню.*
 г. *Владик хотел, чтобы песню спели Юлины ухажёры.*
 д. *Владик хотел, чтобы промокли Юлины ухажёры.*
 е. *Владик хотел, чтобы сбежали Юлины ухажёры.*
 ж. *Владик хотел, чтобы спели песню Юлины ухажёры.*
 з. *Владик хотел, чтобы спели Юлины ухажёры песню.*
- (6) а. *Виктор проснулся пораньше, чтобы выпить кофе.*
 б. *Зина выключала музыку, чтобы её соседка не просыпается.*
 в. *Матвей завёл пасеку, чтобы будет продавать мёд.*

3.1.2. Результаты пилотного эксперимента

В эксперименте приняли участие 129 респондентов (из них 83 женщины) возрастом от 14 до 62 лет ($\mu=26.3$, $SD=10$); 37 респондентов имели лингвистическое образование. Перед статистической обработкой оценки каждого респондента были нормализованы по формуле (7) для того, чтобы нивелировать индивидуальные особенности использования шкалы:

$$(7) \quad Z_{ij} = \frac{(X_{ij} - \bar{X}_i)}{\sigma_i}$$

где: X_{ij} — исходная оценка, \bar{X}_i — среднее выборочное всех оценок респондента i , σ_i — стандартное отклонение всех оценок респондента i , Z_{ij} — нормализованная j -ая оценка i -ого респондента.

На рисунке 1 представлена диаграмма размаха для нормализованных оценок пилотного эксперимента, включая филлеры, по параметрам порядка слов и структурного типа глагола:

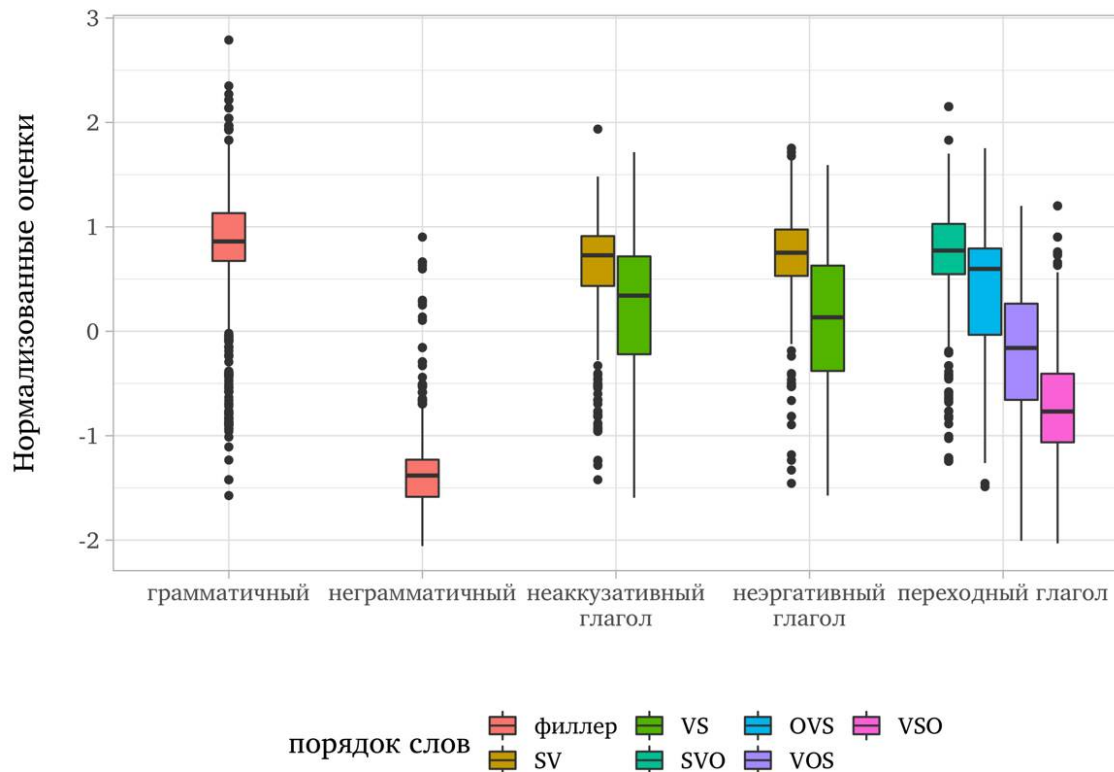

Рисунок 1. Диаграмма размаха для нормализованных оценок стимулов пилотного эксперимента

Поскольку у переходных и непереходных стимулов нет ни одного пересекающегося уровня факторов, а также поскольку мы не ставим перед собой задачу сравнить стимулы по параметру переходности, мы будем рассматривать результаты отдельно для переходных и непереходных предложений как для двух разных «подэкспериментов».

Для оценок переходных стимулов однофакторный дисперсионный анализ ANOVA показывает, что параметр порядка слов является статистически значимым ($F(3, 1560) = 404, p \ll 0.0005$). Апостериорный анализ с применением критерия Тьюки выявляет значимые различия между всеми парами условий ($p \ll 0.001$ во всех случаях).

Для непереходных стимулов двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA выявляет следующее: фактор порядка слов ($F(1, 1562) = 239.84, p \ll 0.0005$) и взаимодействие факторов порядка слов и типа глагола ($F(1,$

1562) = 10.273, $p = 0.001$) являются значимыми, а фактор структурного типа глагола — незначимым ($F(1, 1562) = 0.016$, $p = 0.899$). Результаты применения критерия Тьюки для пар условий систематизированы в таблице 1, полужирным шрифтом выделены пары, между которыми есть статистически значимое различие. Для обоих типов глаголов предглагольная позиция субъекта оценивается выше, чем заглагольная, при этом для каждого порядка слов типы глаголов не различаются:

Таблица 1. Результаты попарного сравнения условий неэргативных стимулов пилотного исследования с помощью критерия Тьюки

Пара условий	Значение критерия Тьюки
неаккузативный глагол: SV — VS	« 0.001
неэргативный глагола: SV — VS	« 0.001
SV: неаккузатив — неэргатив	0.084
VS: неаккузатив — неэргатив	0.132

Таким образом, в нейтральном контексте немаркированный порядок слов SV(O) оценивается респондентами выше всех остальных. Порядки слов для переходных стимулов выстраиваются в иерархию $SVO > OVS > VOS > VSO$, причем каждый из порядков оценивается значимо выше следующего за ним.

3.2. Основной эксперимент: приемлемость расщепления субъектных и объектных ИГ в зависимой клаузе с союзом *чтобы*

После пилотного эксперимента мы провели основной эксперимент, направленный на исследование приемлемости извлечения элементов из ИГ из зависимой клаузы в матричную. Для него можно предположить четыре возможных исхода: (i) воспроизведутся результаты [Polinsky et al. 2013]; (ii) воспроизведется иерархия прозрачности [Белова 2021a] для субъектов простой клаузы; (iii) возникнет какая-то иная иерархия; (iv) субъекты и объекты проявят одинаковую степень прозрачности.

3.2.1. Дизайн и методика проведения основного эксперимента

Факторный дизайн эксперимента содержал две зависимые переменные: тип именной группы (четыре уровня: субъект неаккузативного / неэргативного / переходного глагола и объект переходного глагола) и положение именной группы относительно глагола (два уровня: предглагольное / заглагольное). Лексикализации повторяли пилотный эксперимент. 24 тестовых стимула

были распределены на восемь экспериментальных листов по правилу латинского квадрата. Пример экспериментального блока приведен в (7). Каждый лист содержал 24 филлера. Грамматичными филлерами выступали предложения с полным *wh*-передвижением объектной именной группы с вопросительным словом *чей* и зависимой целевой клаузой с союзом *чтобы*. Неграмматичные филлеры содержали ошибки в употреблении финитной формы глагола в зависимой клаузе. Примеры филлеров приведены в (8). Стимулы предъявлялись респонденту в порядке «грамматичный филлер — тестовый стимул — неграмматичный филлер».

- (7) a. *Чьи Владик хотел, чтобы ухажёры промокли?*
b. *Чьи Владик хотел, чтобы ухажёры сбежали?*
c. *Чьи Владик хотел, чтобы ухажёры спели песню?*
d. *Чьи Владик хотел, чтобы песни спела Юля?*
e. *Чьи Владик хотел, чтобы промокли ухажёры?*
f. *Чьи Владик хотел, чтобы сбежали ухажёры?*
g. *Чьи Владик хотел, чтобы песню спели ухажёры?*
h. *Чьи Владик хотел, чтобы Юля спела песни?*
- (8) a. *Чей рисунок Марина распечатала, чтобы повесить на стену?*
b. *Чью Зина выключала музыку, чтобы её соседка не просыпается?*
c. *Чей Станислав не звал секретаря, чтобы найдёт нужные документы?*

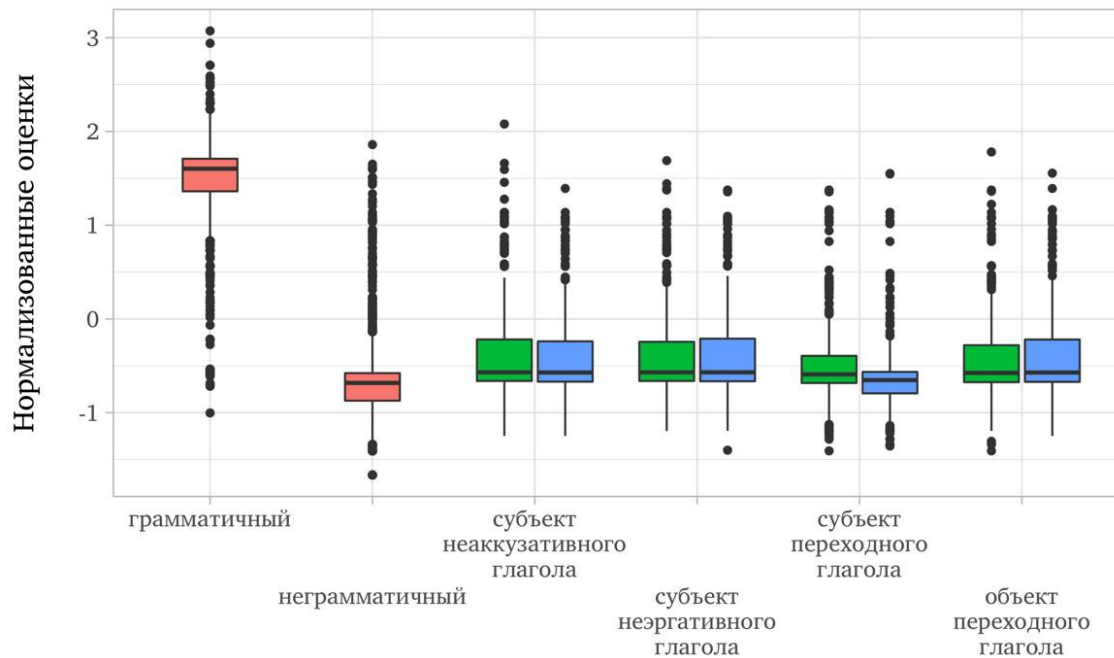
3.2.2. Результаты основного эксперимента

В эксперименте приняли участие 138 респондентов (из них 78 женщин) возрастом от 14 до 66 лет ($\mu=32.6$, $SD=11.6$); 38 респондентов имели лингвистическое образование.

На рисунке 2 можно увидеть диаграмму размаха для нормализованных оценок стимулов по параметрам типа и положения именной группы.

Двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA выявляет статистически значимое влияние фактора типа ИГ ($F(3, 3102)=25.452$, $p \ll 0.0005$) и взаимодействия факторов типа и позиции ИГ ($F(3, 3102)=5.216$, $p=0.001$); фактор позиции ИГ сам по себе оказался статистически незначимым ($F(1, 3102)=2.351$, $p=0.125$).

Результаты апостериорного анализа с применением критерия Тьюки приведены в таблице 2. Полужирным шрифтом выделены условия, значения критерия для которых не превышает критического уровня $\alpha=0.005$, подчеркиванием — уровня $\alpha=0.05$.

порядок слов ■ филлер ■ предглагольная позиция ■ заглагольная позиция

Рисунок 2. Диаграмма размаха для нормализованных оценок стимулов основного эксперимента

Таблица 2. Результаты применения критерия Тьюки к оценкам стимулов основного эксперимента

Пара условий	Значение критерия Тьюки
Различия между разными порядками для каждого типа ИГ	
неаккузатив: XV — VX	1.000
неэргатив: XV — VX	1.000
<u>субъект переходного: XV — VX</u>	<u>0.002</u>
объект переходного: XV — VX	0.881
Различия между ИГ в предглагольной позиции	
XV: субъект неаккузатива — субъект неэргатива	1.000
<u>XV: субъект неаккузатива — субъект переходного</u>	<u>0.011</u>
<u>XV: субъект неэргатива — субъект переходного</u>	<u>0.023</u>
XV: субъект неаккузатива — объект переходного	0.063
XV: субъект неэргатива — объект переходного	0.759
XV: субъект переходного — объект переходного	0.685
Различия между ИГ в заглагольной позиции	
VX: субъект неаккузатива — субъект неэргатива	1.000
VX: субъект неаккузатива — субъект переходного	≪ 0.001
VX: субъект неэргатива — субъект переходного	≪ 0.001
VX: субъект неаккузатива — объект переходного	1.000
VX: субъект неэргатива — объект переходного	1.000
VX: субъект переходного — объект переходного	≪ 0.001

Единственная именная группа, для которой позиция относительно глагола имеет статистическое значение, — это субъект переходного глагола, который в заглагольной позиции оценивается ниже, чем в предглагольной. В предглагольной позиции субъекты непереходных глаголов отличаются от субъекта переходного; в заглагольной субъект переходного глагола получает наименьшие оценки среди всех остальных ИГ и находится на одном уровне с неграмматичными филлерами (двусторонний t-тест Стьюдента для несвязанных выборок, $t = 2.343$, $df = 659.11$, $p = 0.019$).

3.3. Итоги экспериментов

Суммируем итоги. Получается, что в нашем эксперименте не воспроизводится ни иерархия [Polinsky et al. 2013], ни иерархия простой клаузы. Мы ожидали более низкий общий уровень оценок по сравнению с результатами [Polinsky et al. 2013] из-за вопросительного слова: мы использовали *чей*, которое является дискурсивно несвязанным и потому может быть менее приемлемым для выдвижения по сравнению с дискурсивно связанным *какой* (о дискурсивной связанности см., например, [Cinque 1990; Frazier, Clifton Jr. 2001]). Однако это различие не объясняет одинаковый уровень оценок у всех типов ИГ вне зависимости от позиции порождения и коммуникативного статуса. Такие результаты не предсказываются ни синтаксическими подходами к прозрачности ИГ, ни прагматическими.

Также на первый взгляд в зависимой клаузе не наблюдается закономерность порядка слов, обнаруженная в простой клаузе — мы бы ожидали, что стимулы с заглагольной позицией ИГ будут оцениваться ниже из-за инверсии, но такой паттерн есть только у субъекта переходного глагола.

4. Обсуждение результатов

Результаты экспериментов представляются интересными потому, что и в простой, и в зависимой клаузе поведение субъектных и объектных именных групп противоречит теоретическим ожиданиям. Нам необходимо ответить на два вопроса: почему простые и зависимые клаузы так различаются по своим свойствам в отношении извлечения и какими принципами определяется прозрачность именных групп в каждом случае.

Мы предполагаем, что различия между клаузами связаны с тем, что к расщеплению, которое внешне выглядит одинаково, на самом деле приводят разные механизмы: в простой клаузе мы наблюдаем собственно *wh*-

извлечение, а в зависимой — частичное озвучивание. Допустимость частичного озвучивания составляющей, поднимающейся из зависимой клаузы в матричную, экспериментально доказывается в [Белова 2021b] с помощью сравнения расщепленных именных и предложных групп.

Теперь рассмотрим каждый из типов клауз по отдельности. В простой клаузе более низкие оценки для извлечения элементов при заглагольном положении субъектных ИГ можно было бы объяснить «штрафом за инверсию» порядка слов, однако для объектных ИГ такой результат является неожиданным. Следовательно, более значимой для прозрачности ИГ оказывается ее линейное положение и связанный с ним коммуникативный статус. Наша гипотеза состоит в том, что более легкое извлечение из топикальной предглагольной позиции связано со стремлением максимально сузить фокус предложения — вплоть до того, чтобы ограничить его только извлекаемой вопросительной составляющей. Вопросительные слова по своей природе являются носителями фокуса (см., например, [Horvath 1985]), поэтому для структуры, в которой передвижению подвергается *wh*-слово, наилучшей исходной конфигурацией является такая, при которой все остальные элементы, кроме него, входят в топик.

В пилотном эксперименте с зависимыми клаузами мы наблюдаем такое же ухудшение оценок для порядка (O)VS по сравнению с SV(O). Можно было бы предположить, что в эксперименте с расщеплением будут такие же различия по параметру положения ИГ относительно глагола, какие были в простых клаузах, то есть «штраф за инверсию». Однако это не так: фактор положения оказывается релевантным только для субъекта переходного глагола. Это значит, что для непереходных стимулов существует некоторое явление, компенсирующее «штраф за инверсию» при порядке VS. Таким явлением может быть **ограничение периферии** (*periphery constraint*), найденное в [Sekerina 1997] для русских предложных групп, расщепленных при скрэмблинге: одна часть группы стремится к левой периферии клаузы, другая — к правой. Поскольку ограничение периферии представляет из себя не строгий запрет, а тенденцию, И.А. Секерина предлагает для него когнитивное объяснение: возможно, синтаксический анализатор стремится располагать части расщепленной группы на наиболее заметных (*prominent*) позициях, чтобы сбалансировать большую сложность обработки по сравнению с полным озвучиванием (по этому вопросу см. также упомянутую выше работу [Nunes 1999]).

Для переходных стимулов картина другая: расщепление заглагольного субъекта для респондентов неприемлемо, а вот расщепление предглагольного объекта, которое должно получать «штраф за инверсию», находится на общем уровне оценок. Мы предполагаем, что в случае переходных стимулов расщепление более предпочтительно из предглагольной позиции: при наличии у глагола двух аргументов менее затратной для обработки будет такая структура, при которой в установление связи между верхней и нижней частями составляющей не вмешивается другая ИГ. Похожий результат обсуждается, например, в [Barbosa, De Cat 2019] для французского языка: топикализованные объектные ИГ, разрывающие *wh*-цепь, сильнее снижают приемлемость стимулов, чем субъектные:

(8) a. ???*Voici les médailles que, les athlètes, ils sont fiers d'avoir remportées.*

Ожид.: 'Вот медали, которые_{ОБЪ} атлеты, они гордятся, что выиграла.'

b. **Voici les athlètes qui, les médailles d'or, les ont remportées.*

Ожид.: 'Вот атлеты, которые_{SUBJ} золотые медали, их выиграла.'

5. Заключение

Субъектно-объектная асимметрия извлечения в русском языке экспериментально изучалась дважды: на материале зависимых [Polinsky et al. 2013] и простых клауз [Белова 2021a]. В обеих работах в качестве релевантных для *wh*-извлечения элементов рассматривались два фактора: структурный тип глагола и положение именной группы. Оба фактора оказались значимыми, однако результаты двух работ различаются: в простых клаузах прозрачность именных групп оказалась зависящей от положения (предглагольные более прозрачны, чем заглагольные), а в зависимых — от типа глагола (субъекты неаккузатива более прозрачны, чем другие субъекты).

Целью настоящего исследования было изучить поведение субъектных и объектных именных групп в зависимых клаузах на собственном материале, который можно сопоставить с результатами простых клауз. В нашем эксперименте извлечение из всех типов именных групп во всех позициях получило одинаково низкие оценки, а субъект переходного глагола в позиции VX — еще ниже; при этом порядок слов SV(O) в зависимой клаузе оценивается выше всех других, как и в простой клаузе.

С эмпирической точки зрения данные, которые мы получили, оказались весьма неожиданными: ни в простой, ни в зависимой клаузе субъект неак-

кузативного глагола не оказался более прозрачен относительно других, хотя типологически преимущество неаккузативного субъекта зафиксировано в литературе достаточно широко. Различия между клаузами мы предлагаем объяснять различиями в механизмах, которые создают расщепленные конфигурации субъектных и объектных ИГ. В простой клаузе элемент из именной группы поднимается на левую периферию клаузы путем извлечения, а в зависимой происходит частичное озвучивание составляющей, которая на синтаксическом уровне передвигается из места порождения целиком.

Литература

- Белова 2021a — Белова Д.Д. Субъектно-объектная асимметрия выдвигания: структурный тип глагола и топикальность // Лютикова Е.А., Герасимова А.А. (ред.). Русские острова в свете экспериментальных данных. М.: Буки Веди. 2021. С. 170–195. [Belova D.D. Subject-object asymmetry of subextraction: Structural verb type and topicality. *Russkie ostrova v svete ehksperimental'nykh dannykh* [Russian islands in the light of experimental data]. Lyutikova E.A., Gerasimova A.A. (eds.). Moscow: Buki Vedi. 2021. Pp. 170–195.]
- Белова 2021b — Белова Д.Д. Грамматические и коммуникативные асимметрии в извлечении операторов из именных групп в русском языке. Выпускная квалификационная работа бакалавра, М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. [Belova D.D. Grammaticheskie i kommunikativnye asimmetrii v izvlechenii operatorov iz imennykh grupp v russkom yazyke [Grammatical and information-structural asymmetries in A-bar subextraction out of Russian noun phrases.] Bachelor thesis. Lomonosov Moscow State University, 2021.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И.И. Современный русский язык: порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Просвещение, 1976. [Kovtunova I.I. *Sovremennyi russkii yazyk: Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya*. [Modern Russian language: Word order and information structure]. Moscow: Prosveshchenie, 1976.]
- Лютикова 2019 — Лютикова Е.А. Коммуникативная структура в синтаксической деривации // Вопросы языкознания. 2019. № 1. С. 7–29. [Lyutikova E.A. *Kommunikativnaya struktura v sintaksicheskoi derivatsii*. [Communicative structure in syntactic derivation]. *Voprosy jazykoznanija*. 2019. No. 1. Pp. 7–29.]
- Bailyn 2011 — Bailyn J.F. *The syntax of Russian*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Barbosa, De Cat 2019 — Barbosa P., De Cat C. Intervention effects in wh-chains: The combined effect of syntax and processing. *Glossa: a journal of general linguistics*. 2019. Vol. 4. No. 1. Pp. 127–153.
- Bašić 2004 — Bašić M. *Nominal subextractions and the structure of NPs in Serbian and English*. Ph.D. thesis. Universitetet i Tromsø, 2004.
- Bianci, Chesi 2014 — Bianchi V., Chesi C. Subject islands, reconstruction, and the flow of the computation. *Linguistic Inquiry*. 2014. Vol. 45. No. 4. Pp. 525–569.
- Broekhuis 2006 — Broekhuis H. Extraction from subjects: Some remarks on Chomsky's On phases. Broekhuis H., Corver N., Huijbregts R., Kleinhenz U., Koster J. (eds.). *Organizing Grammar*. New York: Mouton De Gruyter. 2006. Pp. 59–68.
- Chomsky 1993 — Chomsky N. *A minimalist program for linguistic theory. The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger*. (20th anniversary edition). Hale K.L., Keyser S.J. (eds.). Cambridge MA: The MIT Press. 1993. Pp. 1–52.

- Cinque 1990 — Cinque G. *Types of \bar{A} -dependencies*. Cambridge: The MIT Press, 1990.
- Erteschik-Shir 1973 — Erteschik-Shir N. *On the nature of island constraint*. Ph.D. thesis. Tel-Aviv University, 1973.
- Fanselow, Čavar 2002 — Fanselow G., Čavar D. *Distributed deletion. Theoretical approaches to universals*. Amsterdam: John Benjamins. 2002. Pp. 65–107.
- Frazier, Clifton Jr. 2001 — Frazier L., Clifton Jr.C. *Parsing coordinates and ellipsis: Copy α* . *Syntax*. 2001. Vol. 4. No. 1. Pp. 1–22.
- Horvath 1985 — Horvath J. *FOCUS in the theory of grammar and the syntax of hungarian*. New York: Mouton De Gruyter, 1985.
- Huang 1982 — Huang C.-T.J. *Logical relations in Chinese and the theory of grammar*. Ph.D. thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1982.
- Jiménez-Fernández 2012 — Jiménez-Fernández Á. *A new look at subject islands: The phrasehood of definiteness*. *Anglica Wratislaviensia*. 2012. Vol. 50. Pp. 137–170.
- Jurka 2013 — Jurka J. *Subject islands in German revisited*. Sprouse J., Hornstein N. (eds.). *Experimental syntax and island effects*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. Pp. 265–285.
- Nunes 1999 — Nunes J. *Linearization of chains and phonetic realization of chain links*. Epstein S.D., Hornstein N. (eds.), *Working Minimalism*. Cambridge: The MIT Press. 1999. Pp. 217–250.
- Polinsky et al. 2013 — Polinsky M., Gallo C.G., Graff P., Kravtchenko E., Milton Morgan A., Sturgeon A. *Subject islands are different*. Sprouse J., Hornstein N. (eds.), *Experimental syntax and island effects*. Cambridge: Cambridge University Press. 2013. Pp. 286–309.
- Ross 1967 — Ross R. *Constraints on variables in syntax*. Ph.D. thesis. Massachusetts Institute of Technology, 1967.
- Sekerina 1997 — Sekerina I.A. *Syntax and processing of scrambling constructions in Russian*. Ph.D. thesis. City University of New York, 1997.
- Spyropoulos, Stamatogiann 2011 — Spyropoulos V., Stamatogiannis N. *Subextraction from subjects in Greek: Things that you can think and you can say*. *Islands in Contemporary Linguistic Theory*, University of the Basque Country Vitoria-Gasteiz 16–18 November 2011, presentational materials.
- Starke 2001 — Starke M. *Move dissolves into merge: A theory of locality*. Ph.D. thesis. University of Geneva, 2001.
- Stepanov 2007 — Stepanov A. *The end of CED? Minimalism and extraction domains*. *Syntax*. 2007. Vol. 10. No. 1. Pp. 80–126.
- Stepanov et al. 2018 — Stepanov A., Mušič M., Stateva P. *Two (non-)islands in Slovenian: A study in experimental syntax*. *Linguistics*. 2018. Vol. 56. No. 3. Pp. 435–476.
- Sturgeon et al. 2010 — Sturgeon A., Polinsky M., Kravtchenko E., Gallo C.G., Medová L., Koula V. *Subject islands in Slavic: The syntactic position matters*. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 19*, University of Maryland, College Park, presentational materials. 2010.
- Surányi, Turi 2018 — Surányi B., Turi G. *Freezing, topic opacity and phase-based cyclicity in subject islands: Evidence from Hungarian*. Hartmann J., Jäger M., Kehl A., Konietzko A., Winkler S. (eds.). *Freezing*. New York: Mouton De Gruyter. 2018. Pp. 317–350.
- Wexler, Culicover 1977 — Wexler K., Culicover P. *Some syntactic implications of a theory of language learnability*. Culicover P., Wasow T., Akmajian A. (eds.), *Formal syntax*. Cambridge: Academic Press. 1977. Pp. 7–60.
- Winkler et al. 2016 — Winkler S., Radó J., Gutscher M. *What determines ‘freezing’ effects in was-für split constructions? Featherston S., Versley Y. (eds.). Quantitative approaches to grammar and grammatical change*. New York: Mouton De Gruyter. 2016. Pp. 207–232.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021

The article was received on 23.09.2021

Дарья Дмитриевна Белова

МГУ имени М.В. Ломоносова / Институт языкознания РАН

Daria Belova

Lomonosov Moscow State University / Institute of Linguistics RAS

dd.belova@yandex.ru

Для цитирования

Белова Д.Д. Островные свойства субъектов простой и зависимой клаузы в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. 2021. Том 4, вып. 1. С. 11–29.

For citation

Belova D. Island properties of subjects in simple and dependent clauses in Russian. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 2021. Vol. 4, iss. 1. Pp. 11–29. (In Rus.)